

ТАТЬЯНА БУРУНДУКОВА

Родилась в 1962 году. Живёт в Таре. Автор поэтических сборников «Насмешливое лето» (Омск, 1990), «Брусничный край» (Омск, 2000). Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России.

ГАЗЕТЧИКИ

Ради нескольких строчек в газете...

В нынешнем году отметит своё 105-летие районная газета, неоднократно за период своей богатой истории менявшая название, а ныне известная не только тарчанам и жителям нашего района, но и более широкому кругу читателей как «Тарское Прииртышье». Это событие послужило поводом для создания серии очерков о выдающихся журналистах, с которыми автору этих строк довелось быть знакомой лично, внёсших наиболее весомый вклад в дело становления и развития газеты, зарождения и сохранения её традиций, нашедших своё призвание в редакционной работе и вложивших в неё огромный потенциал таланта и творческого мастерства.

В этом номере «ТарЯн» я расскажу о двух журналистах-фронтовиках, молодость которых пришлась на годы участия в кровопролитных битвах Великой Отечественной войны, а послевоенный период жизни оказался отлично сданным экзаменом на верность любимой газете.

Человек-легенда

Важная дата удивительным образом совпала с персональным юбилеем – 15 октября 2022 года исполняется 100 лет со дня рождения легендарного редактора районки, почётного гражданина г. Тары Дмитрия Денисовича Беляева. Он стал чемпионом по количеству проработанных в редакции лет – 39, из них 27 – на руководящей должности, и этот рекорд не побит до сих пор.

Моё знакомство с Дмитрием Денисовичем Беляевым началось ещё во время учёбы в Тарской средней школе № 11, когда я на уроках мужества трепетно ловила каждое слово из его воспоминаний о Второй мировой войне. Этот человек высокого роста, широкоплечий, с безукоризненной выправкой, на котором красовался парадный пиджак с орденами и медалями, излучал неиссякаемую энергию и к тому же являлся прекрасным рассказчиком. Ему было что рассказать – восемнадцатилетним ушёл на фронт, пройдя все круги огненного ада, дошёл до Берлина и расписался на Рейхстаге.

Встретиться и познакомиться, как говорится, персонально нам довелось в 1979 году, когда я, получив аттестат зрелости, твёрдо решила связать свою судьбу с журналистикой. Впервые увидевшись с Дмитрием Денисовичем в редакционной обстановке, я, честно сказать, оробела – здесь он выглядел ещё более «фундаментальным», нежели в школьном классе. Усиленно пытаясь стряхнуть с себя робость (такая несмелая, а ещё в журналисты собралась!), я нерешительно мялась на пороге редакторского кабинета, не зная, с чего начать разговор о своей мечте насчёт выбора будущей профессии. Тактично и обстоятельно Дмитрий Денисович начал его сам: расспросил о житье-бытье, о планах на будущее и, совершенно незаметно превратив свой монолог в наш диалог, собственноручно написал и вручил мне направление на вузовскую учебу, тем самым благословив на счастливый путь в притягательный мир журналистики.

Его благословение помогло – через пару месяцев я стала студенткой-заочницей факультета журналистики Уральского государственного университета и пришла работать в редакцию газеты «Ленинский путь». Меня зачислили в штат на должность корреспондента-радиоорганизатора (была тогда такая в нашей районке). Так Дмитрий Денисович стал моим первым редактором. Говорил, бывало: «Тебе повезло вдвойне – будешь

у микрофона работать, а параллельно и в газетном деле опыта набираться!»

Удержаться на плаву в беспокойных волнах радиоэфира я смогла благодаря своему замечательному наставнику – человеку энциклопедических знаний – заведующему отделом Тарского районного радиовещания Михаилу Авдеевичу Белозёрову, а в «Ленинском пути» тех лет царили и творили такие газетные «зубры», как Владимир Андреевич Коршунов и Александр Герасимович Мамаев, увлечённо работали Вениамин Васильевич Шахов, Юрий Иванович Влащенко, Людмила Николаевна Смольникова, совершенствовался фотокорреспондент Юрий Викторович Сергиевич, оттачивали перья молодые газетчики Валерий Иванов и Сергей Исаев. Уверена – не каждый смог бы руководить столь сильным и сплочённым творческим коллективом, но в своего Денисыча мы верили. Он, в свою очередь, верил нам, и эта атмосфера взаимного доверия, получившая меткое название «беляевская демократия», несомненно, раскрепощала нас в плане творческого роста. Да и разве могло быть по-другому, если все мы точно знали, что именно в условиях «беляевской демократии» выросла целая плеяда высокоуровневых газетчиков: Леонид Чашечников, Михаил Сильванович, Владимир Коршунов, Александр Пешков и уже упоминавшийся выше Михаил Белозёров. Я планирую рассказать о каждом из них в следующих своих очерках.

Мне доводилось слышать мнения читателей о Беляеве, что сам он, мол, журналист «средней руки», но уж чего-чего, а выдающихся организаторских способностей у него было не отнять! Что касается личностных качеств, то человеком он был строгим, но справедливым, скромным и простым, а ещё хорошим хозяйственником (вырос в деревне в многодетной семье, где родители с детства привили ему все необходимые навыки крестьянской работы). Будучи занятым интеллектуальным трудом, никогда не гнушался и физическим, в связи с чем и имел место курьёзный случай.

– Ну и работа у тебя, Денисыч, – однажды попытался укорить Беляева знакомый – человек, абсолютно несведущий в газетном деле. – Люди вон вкалывают кто в поле, кто на стройке, не то что у вас в редакции – сиди да пиши!

– И откуда ты, такой знаток, выискался? – усмехнулся Беляев. – Давай сделаем так: поручи мне выполнить в течение двух часов любую физическую работу, где, по твоему мнению, вкалывают, а тебе задание: за этот же период времени найти информацию и написать заметку в объёме тридцати строк на тему о ходе подготовки семян зерновых культур к началу весенне-полевой кампании в Тарском районе. Вот тебе ручка, бумага, телефон. Время пошло.

Спустя два часа Беляев обнаружил на столе так и оставшийся чистым лист бумаги, а за столом понурившегося и помрачневшего лицом горе-журналиста.

– Я ещё эскизы готовлю, – начал оправдываться задавака.

– Какие такие эскизы? – оторопел Беляев. – Материал уже должен быть отпечатан машинисткой и сдан ответственному секретарю для макетирования.

– Даже не думал, что газетная работа настолько сложна, – признался несостоявшийся «труженик пера».

– То-то и оно, – подытожил мудрый Беляев. – Теперь убедился, как нелегко приходится нам, газетчикам, добывать свой хлеб, а ты разглагольствовал, мол, сиди да пиши.

Невозможно умолчать и о том, что в период 1970–80-х годов, когда ещё не было интернета, зато имелось много любителей эпистолярного жанра, письма в редакцию «Ленинского пути» шли потоком из всех уголков теперь уже бывшего Советского Союза. «Кто только нашему редактору не пишет!» – всякий раз изумлялся заведующий отделом писем Александр Герасимович Мамаев, разбирая почту. Отвечать на эти груды корреспонденции нам приходилось общими усилиями.

– За каждым письмом – человек! – утверждал Беляев, распределяя между нами зада-

ния. – Ни одно письмо не должно остаться без ответа!

Разумеется, это даже не обсуждалось – не могли же мы ослушаться своего руководителя, чьё слово было для нас закон. При этом мы отнюдь не опасались, что наш героический «шеф» зазнается. В кабинет к нему можно было зайти в любую минуту и, несмотря на вечную редакционную текучку, получить квалифицированный совет, хотя мы, конечно, старались не злоупотреблять «беляевской демократией». И ещё одна деталь, напрямую касающаяся того, насколько силен был авторитет Беляева: я не припомню ни одного случая, чтобы кто-нибудь когда-нибудь хоть на секунду опоздал к нему на планёрку. В этой ситуации (да и не только) могла проявиться его потрясающая способность промолчать так, что мало не казалось. Стерпеть такое было тяжелее, чем если бы сделал замечание или даже отругал.

С годами я научилась безошибочно угадывать «родного редактора» не только по шагам, но и по... двери. Если массивная входная дверь в редакцию (вход тогда был со двора) плотно закрыта – значит, это дело рук Беляева, значит, он где-то рядом. Я не случайно часто употребляю в тексте местоимение «мы» и словосочетания «к нам» и «у нас» – наш сплочённый, работоспособный, надёжный и творческий редакционный коллектив был как одна большая дружная семья.

Со временем, уже после окончания университета, мне выпала честь самой поручить своим бывшим начальником. Когда Александр Владимирович Поварницын сменил на редакторском посту Дмитрия Денисовича, тот остался работать в редакции на должности корреспондента отдела писем, которым я в ту пору заведовала. Сразу следует сказать, что более дисциплинированного и компетентного корреспондента, чем Дмитрий Денисович, я не встречала. Посетителей в ту пору (как раз начался период гласности) в отделе было особенно много, но ни один после беседы с Беляевым не покидал редакцию озлобленным или

раздосадованным: Беляева всегда отличало умение работать с людьми.

Много позже, возглавляя районный Совет ветеранов войны и труда, а затем выйдя на заслуженный отдых, Дмитрий Денисович был частым гостем у нас в редакции. Его рекорд – 39 лет, отданных работе в нашей газете, по сей день так и остался непобитым! На то он и человек-легенда!

Заглавные слова

Они словно специально были созданы друг для друга – захватывающая профессия журналиста и бесконечно влюблённый в неё Яков Степанович Горчаков, делегат Первого съезда Союза журналистов СССР. Начав работу в средствах массовой информации со скромной должности корреспондента-радиоорганизатора, позже он возглавил отдел сельского хозяйства, а затем обрёл статус заместителя редактора. Долгое время был «правой рукой» Беляева, но раскрыть свой щедрый дар ему помогла не только газетная стезя. Незаурядный интерес читательской аудитории он снискал ещё и как замечательный поэт.

Впервые стихи Якова Горчакова попались мне на глаза ещё в ранние школьные годы. Они появлялись в «Ленинском пути» с завидным постоянством и посвящались в большинстве своём знаменательным и памятным датам. Вчитываясь в незатейливые, но вызывающие душевный трепет строки, я ловила себя на том, что с ходу запоминаю их наизусть.

Мои тогдашние полудетские представления о поэтах были очень уж нереальными. Я воображала себе поэтов людьми строгими и чопорными, живущими, ну, как минимум, в Москве и непременно окружёнными ореолом некоей таинственности. А тут совсем рядом, в Таре, настоящий поэт, да какой – делегат Первого съезда Союза журналистов СССР, свой человек в штате редакции! Не скрою, я восхищалась им и всякий раз, отыскивая в газете публикации, под которыми значилась его

подпись, поражалась авторскому таланту и трудолюбию.

Лично познакомиться с Яковом Степановичем Горчаковым мне довелось в 1980 году – это был мой первый год работы в «Ленинском пути», как уже говорилось выше, корреспондентом-радиоорганизатором. Аналогичным образом довелось сделать свои первые шаги в журналистике и Якову Степановичу, так что мы быстро нашли общий язык. Человеком он был, что называется, душа нараспашку. В его, несмотря на предпенсионный возраст, моложавом облике не было ни спеси, ни подчёркнуто холодного, как вроде бы положено в таких случаях, официоза. Внимательные серо-карие глаза лучились ясным и добрым светом. Словом, он ничуть не соответствовал тому образу Поэта, который рисовали мои отроческие фантазии. Ценность поэзии Якова Горчакова возросла в разы, когда я открыла для себя особую грань его творчества – стихи военной тематики.

Обелиск погибшим на войне
Осенён звездой пятикрылой,
Мать-Россия
 в скорбной тишине
Голову свою пред
 ним склонила.

Столь глубоко преисполненные сердечно-го трепета и безукоризненно выразительные строки по степени совершенства не уступают стихам наиболее известных поэтов, молодость которых пришлась на суровый период Великой Отечественной войны – Константина Симонова, Михаила Исаковского, Алексея Суркова, Михаила Дудина. Быть может, природная скромность не позволяла Якову Степановичу ставить себя в один ряд с мэтрами фронтовой поэзии? Хотя, как я поняла позже, ключевую роль здесь сыграло не это обстоятельство. Он, выпускник военного училища, ушёл на фронт двадцатилетним, в июле 1941 года. В ту лихую годину, когда приходилось делиться единственным сухарём и последним глотком воды, видеть дотла испепелённые села, трупы сожжённых людей, и родились эти пронзительные строки:

Помнишь поле брани – поле боя,
Где от смерти был

на волосок,

Где, преодолевая муки боли,
Полз ты, окровавленный,

без ног.

Бравый паренёк

сибирской хватки,

Задушевной песни комиссар.

Помнишь, как тебя

в неравной схватке

У костлявой вырвал

санитар?!

Прошедшему всю войну Якову Степановичу Горчакову и самому не раз доводилось смотреть смерти в лицо. Он трижды был ранен, но повезло – выжил. И, как впоследствии утверждал, для него не было испытания тяжелее, чем воочию видеть гибель боевых товарищей, стиснув зубы и не в силах спрятать слёз, хоронить их, в самом расцвете лет погибших за Отчизну.

Память

Той поры миновали годы,

И оставшиеся в живых

Вспоминают былые походы

И товарищей боевых.

Сорок первый огнём объят,

Не подсчитывая потери,

В бой ведёт безусых ребят,

Не успевших ещё влюбиться,

Хрупких маменькиных сынков.

Доля выпала им родиться

В год мужания их отцов.

Смотрит память пристальным взглядом

На ту пору из тишины...

Беспробудно,

С отцами рядом

Спят не знавшие их сыны.

После войны храбрый боец, награждённый за свои подвиги орденами и медалями, вернулся в родную Сибирь, где приступил к работе в средствах массовой информации. Молодого корреспондента-радиоорганизатора, составителя (а ещё режиссёра, звукооператора, монтажёра

и корректора в одном лице) и ведущего не только передач местного радио, но и репортажей с демонстраций в честь главных государственных праздников 1 Мая и 7 ноября, заметили и оценили. Якову Горчакову была оказана честь представлять Тару в составе делегации Омской области на Первом съезде Союза журналистов СССР в Москве. Наметился и карьерный рост – рядового корреспондента перевели на должность заведующего отделом писем, а затем самым крупным и сложным в плане логистики отделом – сельскохозяйственным. И только тогда в печати наконец появились его преисполненные трагизма и потрясающие своей неподдельной искренностью стихи о войне.

Шла папироска по окопу
От губ до губ, от рук до рук,
А пуль трассирующих тропы
Чертили смерти полукруг.

Не сразу ко мне пришло понимание того, почему поэт долго и упорно отказывался знакомить читательскую аудиторию со своими, без преувеличения, великолепными стихами военной тематики. Впоследствии я нашла ответ на беспрестанно мучивший меня вопрос: Яков Степанович болезненно относился к этой теме, после пережитого ужаса ему, бывшему фронтовику, психологически было очень тяжело снова мысленно возвращаться к преисполненному драматизма периоду своей жизни.

Профессиональная и творческая удача продолжала сопровождать Якова Горчакова – он был назначен заместителем редактора газеты «Ленинский путь» и стал родоначальником открывшегося при газете районного литературного объединения с красивым названием «Таёжные зори». В 1950-е годы там бойко оттачивали перья как журналисты «Ленинского пути» в амплу поэтов и прозаиков, так и внештатные авторы. Лавры самого продуктивного и популярного выходца из этого поколения литературной богемы достались Леониду Чашечникову, впоследствии успеш-

но реализовавшему свой поэтический дар в Москве. А Горчаков остался здесь, в Таре, и ещё много-много лет дарил тарчанам свои выстраданные в перерывах между боями фронтовые и чудесные, написанные уже в мирное время лирические стихи.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов мы вместе с Яковом Степановичем и другими авторами увлечённо занимались в заново возрождённых «Таёжных зорях». Что отличало Горчакова, так это уважительное отношение к молодым ловцам рифм. Он никогда не язвил по поводу чьих-либо неудавшихся строчек и не бахвалился своими. Всегда был в хорошей творческой форме, много писал и охотно читал свои стихи вслух, тщательно проговаривая каждое слово. Его глуховатый голос звучал размеренно и ровно, не сбиваясь на менторский тон. Меня всякий раз поражала его чуткость к собеседнику: каждого он выслушивал не перебивая, не козыряя своими заслугами, мог и умел разрядить накалённую обстановку необидной шуткой.

В те годы у «Таёжных зорь» было много встреч со школьниками. Яков Степанович очень любил общаться с подрастающим поколением. Это надо было видеть, как ребятня слушала Горчакова – раскрыв рты и ловя каждое слово.

В 1985 году серьёзная крепкая подборка фронтовых стихов Якова Горчакова: «Шла папироска по окопу...», «У обелиска», «Когда поёт Бернес...» и других – украсила страницы коллективного сборника «Весна похожа на Победу», который вышел в свет в Омском книжном издательстве к 40-летию юбилею Победы над фашистской Германией.

Спустя пять лет, в декабре 1990 года, Якову Степановичу пришло время отпраздновать свой персональный 70-летний юбилей. Было много тёплых слов и подарков, много здравниц в честь поэта и, конечно же, много стихов. Тогда, глядя на подтянутого и молодцеватого ветерана, никто не сомневался в том, что впереди у него новые творческие удачи.

В уютной половине домика Горчакова, окошками выходящего на Иртыш, часто бывали друзья. Он был радушным и гостеприимным хозяином. Летом 1993 года мы нагрянули к нему вместе с известным омским фотомастером Александром Чепурко, готовящим снимки для альбома, посвящённого 400-летию Тары. Яков Степанович был явно смущён повышенным вниманием к своей персоне, однако сфотографироваться на память не отказался. Бодрым шагом обошёл свои огородные владения, подыскивая место для съёмки, и, посоветовавшись с фотографом, наконец-то выбрал его. Кадр... второй... третий... Съёмка прошла на ура! Закончив дела, потолковали немного о политике, о погоде. Лето в этот год и правда стояло замечательное. Никто даже и не предполагал, что следующим летом Поэт покинет нас навсегда.

Беда нагрянула неожиданно. Поначалу Яков Степанович ещё бодрился, но серьёзная болезнь мгновенно сбила его с ног и приковала к постели. Он не остался с бедой один – друзья по-прежнему навещали его, помогали кто чем мог, утешали и подбадривали, но прогноз врачей был неутешительным.

Наша последняя встреча состоялась ровно через год после той памятной фотосъёмки. И так-то никогда не отличавшийся грузной комплекцией Яков Степанович исхудал ещё больше. Он чувствовал, что силы покидают его, но в глазах по-прежнему светилась трогательная искорка жажды жизни.

– Как ребята? – это было первое из того, что он спросил у меня. По всему было заметно, что ему тяжело говорить, но он из последних сил старался делать это как всегда внятно и чётко. – Что у вас нового?

Я принялась рассказывать о редакционных буднях, о подготовке к празднованию 400-летнего юбилея Тары. Выложив

всё, пообещала, что вскорости забегу ещё и мы непременно пообщаемся вновь. Но судьба отмерила Поэту слишком короткий срок.

Хмурым июльским днём мы проводили Якова Степановича в последний путь. Дождь лил как из ведра, и гроб пришлось установить в крытый кузов машины. Скорбная процессия прошествовала мимо здания редакции и медленно направилась в сторону последнего приюта. Пока опускали в могилу гроб, дождь, словно по заказу, притих на полчаса, а затем хлынул вновь со страшной силой. Небо торопилось оплакать Поэта.

Девятый день – день, когда принято поминать усопших, совпал для покойного (какое несправедливое, горькое слово) Якова Степановича Горчакова с датой проведения районного поэтического турнира «Что сердцу дорого». На нём Якову Горчакову за большой вклад в литературу и публицистику, многолетнюю преданность поэзии, талант и мастерство единогласным решением жюри была присуждена первая премия (посмертно).

К великому сожалению, Яков Степанович не дожил и до выхода в свет двух своих поэтических книг – «Мы отстоять сумели мир» и «Заглавные слова». Его стихи надолго пережили его самого – они и поныне рядом с нами. Мне не вычеркнуть из своей тревожной памяти их нетленные строки как преисполненные суровой солдатской правды, так и завораживающие неповторимой в своём очаровании лирикой.

Давно вышел из печати и разошёлся многотысячным тиражом тот юбилейный альбом, со снимка в котором, прищурясь от солнца, приветливо и спокойно смотрит на мир Воин, Журналист, Человек и Поэт Яков Степанович Горчаков. Он так мечтал увидеть себя на этом снимке, но мечты, увы, не всегда сбываются даже у поэтов.